

УДК 316.4

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ДАЧНЫЙ ТУРИЗМ: ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ДАЧНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ФИНЛЯНДИИ

**ХАННОНЕН
ОЛЬГА**

*доктор социальных наук,
Университет Восточной Финляндии, Карельский
Институт,
Йоэнсуу, Республика Финляндия,
olga.hannonen@uef.fi*

Ключевые слова:

дача
дачный туризм
трансграничная мобильность
Финляндия

Аннотация:

В статье рассматриваются основные мотивы российского дачного туризма в Финляндии в контексте международной трансграничной мобильности. Основываясь на теоретических подходах к мотивам дачного туризма, статья показывает особенности мотивации российских дачников. Мотивы россиян значительно отличаются от результатов иных исследований по теме. Мотивы дачного туризма и трансграничная мобильность россиян представлена в контексте общественного дискурса в Финляндии, который демонстрирует противоречивые представления и ожидания российских туристов и финских жителей.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 ноября 2019 года

Опубликована: 03 декабря 2019 года

Российская трансграничная мобильность в Финляндии

Распад Советского Союза положил начало активной трансграничной мобильности между Россией и Финляндией. С открытием границы в 1991 году россияне буквально открыли границу. Хотя ещё в 1970–1980 годы финский «вино-водочный» туризм имел место в России, а россияне совершали единичные поездки в Финляндию, с 1991 года пересечение границы стало общедоступно. Тем самым российские поездки в Финляндию выросли с 1,3 миллиона в 1995 году до более пяти миллионов в 2013 году [3; 10]. Количество пассажирских пропускных пунктов увеличилось с шести в 1997 году до девяти сегодня.

Рост трансграничной мобильности между Россией и Финляндией привел к инициативе безвизового режима в 1999 году [1], которая к 2012 году достигла переговоров на высшем уровне. Согласно наиболее оптимистичным сценариям, введение безвизового режима прогнозировалось на конец 2013 года [18]. В 2014 году переговоры были заморожены в связи с конфликтом в Восточной Украине и введением санкций.

С середины 1990-х годов россияне стали наиболее многочисленной группой иностранных туристов в Финляндии, а также лидером по денежным расходам в Финляндии [39]. Российские туристы привели к развитию инфраструктуры в приграничных районах, направленной на удовлетворение их потребностей. Россиян привлекает чистая природа, развитые туристические сервисы и трансграничный шоппинг.

Дачный туризм стал популярным направлением российского туризма с начала 2000-х годов. Россияне быстро обогнали других иностранцев по количеству сделок с недвижимостью. По данным земельной службы Финляндии общее количество купленных дач и дачных участков составляет 4424

объекта с 2000 по 2015 год, что примерно в два раза больше, чем количество дач во владении других иностранцев в Финляндии (2441 объект недвижимости). В процентном соотношении доля российской дачной недвижимости составила 64,4% за указанный период [15].

Стоит отметить, что с момента независимости Финляндии (1917 год) право на владение недвижимостью было национализировано (под объектом недвижимости в Финляндии понимается земельный участок без или с находящимися на нем постройками, таким образом отдельно стоящее здание или квартира не являются объектом недвижимости) [15]. Процесс европейской интеграции и вступление Финляндии в Европейскую экономическую зону (1993) и в Европейский союз (1995) открыл рынок недвижимости гражданам союзных стран. По истечении пятилетнего периода дерогации от европейского законодательства, с 2000 года все иностранные граждане получили право приобретать недвижимость в Финляндии на равных правах. Законодательные изменения породили всплеск интереса в дачной недвижимости со стороны россиян. Данная статья нацелена на понимание интереса российских владельцев недвижимости и рассматривает мотивы приобретения дач в контексте общественного дискурса. Эмпирическим материалом выступают результаты докторского и постдокторского исследования автора о трансграничной мобильности россиян в Финляндии [15–17; 27; 28].

Исследования в области трансграничного дачного туризма

Растущая туристическая и рекреационная мобильность, движимая персональными предпочтениями в смене образа жизни, свободой выбора и самореализации, стала объектом академических исследований в последние десятилетия [14; 33]. Как разновидность рекреационной мобильности внутренний и международный дачный туризм стал предметом многочисленных публикаций с 1980 годов [13; 14; 33].

Трансграничный дачный туризм распространен по всему миру, но географически доминируют европейские примеры данного феномена (Европа и Северная Америка). Они включают помимо прочих британские, немецкие, бельгийские, люксембургские, испанские, швейцарские и итальянские дачевладения во Франции [5–7; 9; 11; 20; 35], датские в Бельгии [37], немецкие в Швеции [29–31], Венгрии [8] и Нидерландах [37]; норвежские в Швеции [34] и Финляндии [16], австрийские и итальянские в Словении [26], австрийские и швейцарские в Италии [40], американские в Мексике и Канаде [38], гонконгские в материковом Китае [22] и сингапурские в Малайзии [35]. Указанные исследования посвящены мотивам трансграничных покупок, взаимоотношениям с местными жителями и другими дачниками, интеграции в местное сообщество [5; 7; 30; 31; 34; 40], а также пространственному распределению дачных объектов [6; 20; 29]. Иностранная рекреационная недвижимость также рассматривалась с позиций колебаний на рынке недвижимости и доступности жилья [6; 22], пространственного планирования и землепользования [37], а также общих оценок экономического вклада в местное сообщество [11; 40]. Некоторые исследования рассматривают негативные стороны иностранного дачного туризма, такие как рост цен на недвижимость, рост социальной дифференциации, социальная дистанция и языковой барьер, конфликт в отношении развития дачной местности и даже вытеснение местного населения [5; 29; 30; 40]. Основными причинами роста трансграничного дачного туризма является растущая доступность зарубежной недвижимости, благодаря снижению запретов на иностранное владение, а также транспортной доступности [32; 35].

Исследования в области российского дачного туризма за рубежом сводятся к нескольким работам. Большинство исследований посвящено Финляндии, которые осуществлялись в рамках проекта по трансграничному туризму в Университете Восточной Финляндии с участием автора данной статьи [15]. Публикации по теме посвящены общественному дискурсу вокруг феномена [36], восприятию российского дачного туризма на местном уровне [21], структурам управления и регулирования зарубежного дачевладения в Финляндии [4], и обсуждениям вокруг российского дачного туризма в парламенте Финляндии [12]. Российская рекреационная недвижимость стала также предметом ряда бакалаврских и магистерских работ (более подробный обзор представлен у О. Ханнонен [15]).

Публикации К. Питкянен [36], а также А. Хонканена, К. Питкянен и М. Холла [21] заслуживают более детального обзора, поскольку они контекстуализируют российский дачный туризм и углубляют понимание этого феномена. К. Питкянен [36] определяет три основные направления медиа дискурса в Финляндии вокруг зарубежного владения недвижимостью. Во-первых, иностранные владельцы дач осуждаются в подрыве традиционных устоев жизни, вытесняя местных жителей и приводя к джентрификации. Во-вторых, иностранные владельцы наносят вред национальному пейзажу, подрывая доступ к правам на собственность финского населения. В третьих, иностранное владение недвижимостью угрожает национальной идентичности и приводит к росту страхов в отношении

иностранного влияния. По отношению к российскому владению недвижимостью третье направление обозначалось как «российское вторжение» [36, с. 52]. Ещё одним опасением выступает формирование этнических замкнутых дачных поселений.

Медиа дискурс демонстрирует непростое отношение финнов к российскому дачному туризму. Тем не менее, СМИ не всегда отражают отношение местного населения. Исследование А. Хонканена, К. Питкянен и М. Холла [21] было направлено на выявление реальных оценок российского дачного туризма на местном уровне. По итогам опроса в регионе Восточная Финляндия выяснилось, что местные жители и финские дачники в основном согласны с представленными оценками в СМИ, в особенности с негативными оценками покупки недвижимости россиянами. Положительные оценки феномена не были поддержаны всеми респондентами. Исследование выявило три группы мнений. Первую группу составили те, кто считает, что россияне повышают цены на недвижимость, и что финны намеренно продают россиянам по этой причине. Вторая группа видит россиян как источник разных возможностей для региона, в то же время третья группа рассматривает россиян как источник проблем.

Стоит отметить, что российский спрос на недвижимость в Финляндии активно обсуждался в парламенте. С начала 2000 годов члены парламента подали более тридцати письменных опросов по вопросу иностранного владения недвижимостью. Кроме того, попытки провести законопроект, ограничивающий приобретение недвижимости негражданам Евросоюза и Европейской экономической зоны, предпринимались три раза в 2009, 2011 и 2013 годах, а в 2015 году была подана гражданская инициатива. В феврале 2019 года парламент одобрил законопроект, касающийся национальной безопасности в отношении сделок с недвижимостью. Данное законодательное изменение введено для возможности контроля над недвижимостью, находящейся в непосредственной близости к объектам национального значения. В практическом плане данная мера предполагает проверку собственности нахождение к стратегическим объектам перед актом купли-продажи [19]. Изменения вступят в силу с начала 2020 года.

Теоретические подходы к изучению мотивов дачного туризма

Мотивы дачного туризма разделяют на две группы: мотивы приобретения дачи и факторы выбора местоположения [14; 27]. Выбор дачной местности представляет наибольший интерес в трансграничном контексте. Мотивы приобретения дачи немногочисленны и стандартны, они не меняются со временем [13]. Основными мотивами для приобретения дачи выступают инверсия, отдых, природа, активность, статус и личные мотивы [13; 23].

Инверсия считается основным мотивом дачного туризма. Под инверсией подразумевается смена обстановки, контраст обыденной жизни, благодаря пребыванию в сельской местности [29]. Смена образа жизни также символизирует «побег» из городской суеты – «отпуск» от современности [24, с. 124]. Смена обстановки также подразумевает отдых. Дача – это место отдыха, а не труда. Считается, что дача создает благоприятные условия для отдыха, так как знакомое место не требует адаптации [29].

Дача – это также объект разного рода активности в сельской местности. Дача требует поддерживающих работ и мелкого ремонта, что создает приятный контраст городской жизни [29]. Кроме того, дача – это больше, чем летний коттедж. Она может символизировать поиск идентичности, семейные узы, важные планы [13; 23]. Классическим примером личных мотивов являются британские дачники во Франции, которые ищут потерянную природу сельской местности, недоступную в Британии [20]. В некоторых случаях летний коттедж может быть признаком социального статуса, особенно, если дача расположена в живописной местности или за границей [13; 23]. Однако в большинстве случаев дача символизирует простой и традиционный образ жизни [30]. Степень выраженности мотивов варьируется у разных групп дачников, поэтому приобретение дачи представляет собой комплексное взаимодействие разных мотивов.

В то время как мотивы приобретения дачи помогают объяснить решение о покупке, они не раскрывают причин выбора расположения дачи. Выбор дачной местности зависит от пространственно-временных факторов, привлекательности местности, а также от стоимости [13; 23; 25]. С ростом расстояния снижается спрос, поскольку дачники ориентированы на местность, требующую минимального вложения времени и средств [32]. Расстояние между постоянным местом проживания и дачей определяет регулярность и продолжительность поездок. Выделяют три основные дачные зоны: однодневная зона (day-trip zone), зона выходного дня (weekend zone) и отпускная зона (vacation zone) [13; 25]. В данной статье используется кумулятивная модель дачной удаленности П. Кауппила [25], разработанная им на анализе разных моделей удаленности в Финляндии. Однодневная зона составляет 80–100 километров или примерно 60–75 минут пути. Зона выходного дня начинается от 100 километров

с границей от 250 до 400 километров, что занимает от двух до пяти часов пути. Отпускная зона пересекается с зоной выходного дня в промежутке между 250 и 400 километрами. Подобная классификация с несколько иными параметрами расстояния характерна и для российских внутренних дач [2].

Критическим расстоянием для дачи в Финляндии считается 200 километров, после которого пользование дачей значительно снижается с полной потерей интереса при расстоянии, превышающем границы зоны выходного дня [25]. Тем самым, зона выходного дня характеризуется более частыми и короткими поездками, в то время как отпускная зона более редкими и продолжительными выездами. Транспортное сообщение может значительно сокращать время в пути. Однако данная опция доступна для более обеспеченных слоев населения, которые более мобильны. Таким образом, удаленное расположение дач считается скорее исключением в международном контексте. [13; 25].

Помимо расстояния, имидж дачного направления также играет роль в выборе месторасположения [29; 32]. Привлекательность местности или положительный образ определяют частоту посещений и тяготение к дачному месту [29].

Вместе с привлекательностью местности, окружающая среда – еще один важный фактор. Сельская жизнь и чистая природа – частые причины миграции из города [29]. Кроме того, сельские регионы привлекательны более низкими ценами на недвижимость. Среди других факторов, влияющих на выбор месторасположения, стоит отметить наличие свободных земельных участков и риелторских предложений [13; 32]. Роль риелторов особенно значима в трансграничных и иностранных покупках дачной недвижимости, поскольку они направляют потенциальных дачников в регионы с готовыми предложениями. Наличие и доступность недвижимости – важный фактор в иностранном владении, поскольку не всегда иностранцы обладают правом владения (например, как ранее в Финляндии).

Приобретение рекреационной недвижимости за рубежом часто связывают с повышенным риском и неопределенностью, обусловленных иностранной культурой, языком и законодательством. Государственная граница и визовый режим также создают дополнительные процедуры на пути к зарубежной даче.

Временной фактор и расстояние определяют расположение дач в приграничных районах соседских государств, поэтому трансграничное расположение дачи может вполне находиться в рамках зоны выходного дня и зоны отпуска. Однако возможность приобретения рекреационной недвижимости в живописной местности может быть более весомым фактором, чем её заграничное расположение [29].

Ещё одним важным фактором при объяснении причин трансграничного дачного владения является понимание культурных предпосылок владельцев. В одних случаях нет возможности приобрести недвижимость на внутреннем рынке. В других – нет доступных участков с желаемым расположением, например, на берегу озера или в горах. Также разница в стоимости недвижимости может повернуть взгляд потенциальных дачников в сторону соседней страны [32].

Мотивы российского трансграничного дачного туризма

Решение о покупке дачи и покупки в определенной местности сложно разделить. Одни принимают решение о покупке и лишь после выбора месторасположения, другие хотят дачу только в определенном районе [29]. Согласно исследованию мотивов приобретения недвижимости россиянами, некоторые мотивы приобретения дачи смогли себя реализовать исключительно в Финляндии. Такие образом спрос и месторасположение неразрывно связаны между собой в мотивации россиян [27].

Инверсия и поиск контраста – основной мотив приобретения рекреационной недвижимости. Являясь сельской страной по типу расселения Финляндия предоставляет желаемый контраст жителям российских мегаполисов и городов. Например, население Санкт-Петербурга равно населению всей Финляндии. Поэтому ритм жизни в России и Финляндии существенно отличается. Финские дачи не образуют поселений, поэтому отсутствие соседей располагает к тишине и спокойствию. Наличие же соседей не доставляет дополнительных неудобств, так как финны уважительно относятся к частной собственности и личной жизни. Инверсия как мотив для приобретения дачи достаточно сильно связан с дачевладением в Финляндии. Дачная жизнь в Финляндии является синонимом спокойствия и тишины, что создает приятный контраст российской городской, а также российской дачной жизни.

Отдых как мотив приобретения дачи воспринимается россиянами с позиции тишины и комфорта. Тишина подразумевает спокойную обстановку и отсутствие внешних раздражителей на финской даче. Комфорт предполагает хорошее техническое оснащение дачи, снижая домашние заботы, что высвобождает время для отдыха. Тем самым, отдых как мотив приобретения дачи в интерпретации россиян отличается от стандартного определения, подразумевающее посещение знакомого места. Условия для отдыха имеют иную интерпретацию, включая окружающую обстановку и техническое

оснащение дачи [27].

Природа как мотив связана с загородным расположением дачи. Побег из города на природу не всегда подразумевает простоту жизни в классическом понимании природы как мотива. Многие российские дачники в Финляндии владеют хорошо оснащенными дачами. Природа как мотив в интерпретации россиян предполагает дикие, нетронутые места, а также схожие климатические условия. Схожесть ландшафта – еще один компонент мотива. Финляндский лесной пейзаж близок жителям центрального и северо-западного регионов России. Красота финских озер привлекает как местных, так и зарубежных дачников в Финляндии. Таким образом, природа как мотив приобретает более широкую интерпретацию среди российских дачников. Погружение в природу не подразумевает отказа от удобств современной жизни, а предполагает красоту окружающей среды, нетронутые места и сходство ландшафта и климата [27].

Расположение дачи в сельской местности располагает к разного рода активности. Расположение у озера подходит для рыбалки круглый год, для купания и прогулок на лодке. Лес богат грибами и ягодами и приятен для прогулок. Кроме того, финский спортивный образ жизни и развитая инфраструктура влияют на активность российских дачников. Разумеется, разные дачники проводят время на даче по-разному, кто-то в более активной, кто-то в пассивной форме. Основная же активность на даче связана с окружающей природой [27].

Культурные и личные мотивы играют особую роль в контексте российского дачевладения. Дачный туризм является традиционной формой отдыха, охватывающей примерно половину городского населения России [2]. Личные мотивы отличаются от внутреннего дачного туризма: дача в Финляндии не символизирует тесных семейных связей и детских воспоминаний. Личные мотивы россиян близки к примеру британцев во Франции, россияне пытаются найти недоступную в России возможность расположения дачи в лесу на берегу озера. Прибрежное расположение построек законодательно ограничено в России (Водный кодекс Российской Федерации 2006), в то время в Финляндии прибрежная полоса может находиться в частной собственности. Таким образом, культурные предпосылки дачного отдыха, переплетающиеся с личными мотивами прибрежного расположения, смогли реализоваться по другую сторону границы.

Оснащение российских дач в Финляндии, их размер, расположение и структура владения сильно варьируются. Все они отвечают индивидуальным потребностям владельцев в дачном отдыхе. Роскошные виллы не всегда являются предметом статуса владельца. Лесное расположение дач в Финляндии не располагает к его демонстрации. В целом, статус не является выраженным мотивом для покупки дачи в Финляндии [27].

Решение о покупке дачи в Финляндии основано на поиске более качественного отдыха. Это в первую очередь связано с безопасностью как в физическом, так и в экономическом плане. Безопасность подразумевает спокойных отдых на финской даче без каких-либо опасений за личную безопасность и безопасность имущества также на момент отсутствия владельцев. Безопасность и надежность вложений – важный компонент имиджа Финляндии: «недвижимость – это недвижимо» (смотри полное описание у Липкиной [27]). Приятные впечатления и положительный опыт в Финляндии также повлияли на формирование образа страны. Со временем положительный образ Финляндии только усилился. Еще одной привлекательной чертой Финляндии является ухоженность и чистота.

Согласно расстоянию между российским домом и дачей в Финляндии дачи россиян располагаются в пределах верхней границы зоны выходного дня и в зоне отпуска. При этом между расстоянием и частотой поездок нет четкой закономерности. В то время как общее расстояние не значительно влияет на частоту посещения, расстояние от границы до дачи не должно превышать 150 километров (придел зоны выходного дня). Конкретное расположение дачи в указанной зоне удаленности на финской стороне является результатом риелторских предложений.

Процесс пересечения границы и оформление соответствующих документов на пути к финской даче не выступает препятствием, скорее, наоборот, по сравнению с другими европейскими странами Финляндия считается легкодоступной в транспортном отношении страной. Цены на дачи в Финляндии варьируются по отношению к курсу рубля. Те, кто приобрел дачи до 2014 года утверждают, что приобрели их на более выгодных условиях, чем в России [27]. Тем самым, россиянам не нужно было переплачивать за более качественный отдых в Финляндии.

Суммируя мотивы российского дачного туризма, стоит отметить несколько отличительных компонентов. Согласно результатам, инверсию сложно осуществить в тесно застроенных дачных поселениях близ больших городов в России. Подобно мотивам немецких дачников в Швеции [29], низкая плотность заселения в Финляндии создает желаемый контраст для россиян. Спокойствие и широкое

персональное пространство в Финляндии создают благоприятные условия для инверсии и для отдыха. Тем не менее, россияне не ищут скромного и простого образа жизни, имея в большинстве своем хорошо оснащенные летние коттеджи. Тем самым мотив природы, «back to nature» (возвращение к истокам – перевод О. Ханнонен) [13, с. 12], имеет совершенно иную интерпретацию в мотивациях россиян. Россиян привлекает как естественная, так и застроенная окружающая среда. Подобно мотивам британцев во Франции [20], россияне ищут недоступную в своей стране природу сельской местности. В отличие от российского законодательства, в Финляндии дача может располагаться на берегу водоема, имея прибрежную линию в собственности. Активность и статус как мотивы играют второстепенную или незначительную роль в мотивациях россиян.

Активная трансграничная мобильность россиян трансформировалась в постоянную связь со страной посредством дачевладения. Подобная тенденция говорит о высокой привлекательности местности и положительном образе дачного региона [29]. Транспортная доступность Финляндии удобна для частных передвижений без привязки к общественному транспорту. Привлекательность Финляндии как дачного направления также обусловлена сложившимся положительным образом страны. Физическая и экономическая безопасность – одна из основных причин приобретения дачи в Финляндии, поскольку схожих условий отдыха сложно достичь в России. Таким образом, Финляндия как дачное направление имеет ряд преимуществ, которые привлекают российских дачников.

Российский дачный туризм в контексте общественного дискурса Финляндии

Трансграничная мобильность и дачный туризм подвержены социально-политическим и экономическим факторам. Это видно на примере переговоров о безвизовом режиме между Финляндией и Россией. Политическая и экономическая стабильность, общественный порядок и разница между этими показателями в соседствующих странах являются основными факторами в возникновении трансграничной мобильности. В частности, мотивы дачного туризма россиян показывают, что россияне ищут безопасную гавань за границей в совокупности с другими личными мотивами.

Общественный дискурс в Финляндии демонстрирует достаточно противоречивые оценки и отношения финнов и россиян друг к другу. Мотивации россиян, а также исследования территориального распределения российских дач показывают [17], что россияне не стремятся покупать недвижимость вблизи соотечественников. Случаи близкого расположения российских дач, конечно, встречаются, но это скорее результат риелторских предложений, чем намеренного стремления к соседству. В то же время как со стороны финнов имеются опасения формирования замкнутых российских дачных поселений.

В заключение стоит отметить, что общественное мнение о российском дачном туризме в Финляндии достаточно оторвано от реальных мотиваций россиян. Негативное восприятие российского дачного туризма со стороны финнов противоположно положительному впечатлению россиян о Финляндии и финнах. Таким образом, несмотря на интенсивную трансграничную мобильность и полупостоянное присутствие россиян в сельской местности Финляндии и совместное использование рекреационного дачного пространства, финны и россияне мало знают друг друга.

1. Бурганова И. Н. Отмена визового режима между Россией и ЕС: утопия или реальность? // Грамота. 2011. № 3. Ч. 2. С. 37-40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/9.html> (дата обращения: 10.05.2016).

2. Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 07.05.2014).

3. Федеральная служба статистики. Число выездных туристских поездок. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2019).

4. Åkerlund U., Lipkina O., Hall C. M. Second home governance in the EU: In and out of Fin-land and Malta // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2015. Vol.7 (1). P. 77–97.

5. Buller H., Hoggart K. The social integration of British home owners into French rural communities // *Journal of Rural Studies*. 1994. Vol.10 (2). P. 197-210.

6. Calzada C., Le Blanc F. Attractivité résidentielle: les résidences secondaires allemandes en Lorraine. INSEE Lorraine. 2006. Vol. 49. Available at: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=17&ref_id=9921 (accessed 17.07.2015).

7. Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18 (1). P. 41–55.

8. Csordás L. Second homes in Hungary. In: A. Duró (ed.) *Spatial research in support of the European*

integration. Pécs: Centre for Regional Studies. 1999. P. 145–160.

9. Fareniaux B., Verlhac E. Le dysfonctionnement des marchés du logement en zone touristique. Rapport No 004983-01. Ministère de l'écologie, du développement et de l'aménagement durables. 2008. Available at: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000193/> (accessed 21.03.2015).

10. Finnish Border Guard. 2017. Available at: <http://www.raja.fi/en> (accessed 17.05.2018).

11. Goujard A. Résidences Secondaires des Etrangers et Territoire Français: Localisation et Re-tombées Economique Locales, la Valorisation d'un Capital Symbolique. Rapport de recherche. Insti-tut d'Urbanisme de Paris. Université de Paris - Val-de-Marne. 2002. Available at: <http://bel.uqtr.ca/635/> (accessed 19.03.2014).

12. Haapasalo T. Arvoisa Herra Puhemies! Ulkomaalaisten kiinteistöomistuksiin liittyvät kirjalliset kysymykset vuosina 2000–2012 // Lähde. Historiatieteellinen Aikakausikirja. 2013. P. 135–158.

13. Hall C.M., Page S.J. The geography of tourism and recreation: environment, place, and space. 3rd Edition. 2016. London: Routledge. 458 p.

14. Hall C.M., Müller D.K. Introduction: Second homes, curse or blessing? Revisited. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds.) *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View. 2004. P. 3–14.

15. Hannonen O. Peace and quiet beyond the border: the trans-border mobility of Russian second home owners in Finland. Publications of the University of Eastern Finland, Dissertations in Social Sciences and Business Studies, Vol. 118. Tampere: Juvenes Print. 2016. Available at: <http://bit.ly/dissertation-oh>.

16. Hannonen O., Tuulentie S., Pitkänen K. Borders and second home tourism: Norwegian and Russian second home owners in Finnish border areas // *Journal of Borderlands Studies*. 2015. Vol. 30 (1). P. 53–67.

17. Hannonen O., Lehtonen O., Toivakka M. Confronting the social debate: a study of the distribution of Russian recreational properties in Eastern Finland // *Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography*. 2016. Vol. 10 (2). P. 95–111.

18. Hantula H. Venäjän EU-lähettiläs: viisumivapaus mahdollinen tänä vuonna // *Yle Uutiset* 14.07.2013. Available at: http://yle.fi/uutiset/venajan_eu-lahettilas_viisumivapaus_mahdollinen_tana_vuonna/6732365 (accessed 11.02.2014).

19. HE 253/2018 vp. Hallituksen esitys eduskunnalle kansallisen turvallisuuden huomioon ottamista alueiden käytössä ja kiinteistöomistuksissa koskevaksi lainsäädännöksi. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180253> (accessed 29.05.2019).

20. Hoggart K., Buller H. Geographical differences in British property acquisitions in rural France // *The Geographical Journal*. 1995. Vol.161 (1). P. 69–78.

21. Honkanen A., Pitkänen K., Hall C.M. A Local Perspective on Cross-Border Tourism. Russian Second Home Ownership in Eastern Finland // *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18 (2). P. 149–158.

22. Hui E.C.M., Yu K.H. Second homes in the Chinese Mainland under “one country, two systems”: A cross-border perspective // *Habitat International*. 2009. Vol. 33. P. 106–113.

23. Jaakson R. Second-home domestic tourism // *Annals of Tourism Research*. 1986. Vol. 13. P. 367–391.

24. Kaltenborn B. P. The alternate home - motives for recreation home use // *Norsk Geografisk Tidsskrift - Norwegian Journal of Geography*. 1998. Vol. P. 121–134.

25. Kauppila P. Resorts, second home owners and distance: A case study in northern Finland // *Fennia*. 2010. Vol. 188. P. 163–178.

26. Lampič B., Mrak I. Globalization and foreign amenity migrants: The case of foreign home owners in the Pomurska region of Slovenia // *European Countryside*. 2012. Vol. 4 (1). P. 45–56.

27. Lipkina O. Motives for Russian second home ownership in Finland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2013. Vol. 13 (4). P. 299–316.

28. Lipkina O., Hall M. C. Russian second home owners in Eastern Finland: involvement in the local community. In M. Janoschka and H. Haas (eds). *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*. Oxon: Routledge. 2013. P. 158–173.

29. Müller D.K. German second home owners in the Swedish countryside: On the internationalization of the leisure Space. Umeå & Östersund: Umeå University. 1999. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:688723/FULLTEXT01.pdf> (accessed 18.11.2019).

30. Müller D.K. Reinventing the countryside: German second-home owners in Southern Sweden // *Current Issues in Tourism*. 2002. Vol.5 (5). P. 426–446.

31. Müller D.K. German Second Homeowners in Sweden. Some remarks on the Tourism - Migration - Nexus // *Revue européenne des migrations internationales*. 2002. Vol.18 (1). P. 1–18.

32. Müller D. K. The attractiveness of second home areas in Sweden: A quantitative analysis // *Current Issues in Tourism*. 2006. Vol. 9. P. 335–350.

33. Müller D.K. Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. // *Norsk Geo-grafisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2011. Vol. 65 (3). P. 137–143.
34. Müller D.K. The internationalization of rural municipalities: Norwegian second home owners in Northern Bohuslän, Sweden // *Tourism Planning & Development*. 2011. Vol. 8 (4). P. 433–445.
35. Paris C. *Affluence, Mobility and Second Home Ownership*. Abingdon: Routledge. 2011. 208 pp.
36. Pitkänen K. Contested Cottage Landscapes: Host Perspective to the Increase of Foreign Second Home Ownership in Finland 1990–2008 // *Fennia*. 2011. Vol. 189. P. 43–59.
37. Priemus H. Importing and Exporting Spatial Needs: A Dutch Approach // *European Planning Studies*. 2005. Vol. 13 (3). P. 371–386.
38. Timothy D.J. Recreational second homes in the United States: Development issues and contemporary patterns. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds). *Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View Publications. 2004. P. 133–148.
39. Visit Finland visitor survey. 2017. Available at: <http://www.visitfinland.com> (accessed 08.03.2018).
40. Volo S. Community of Conflict? A Qualitative Study on Host-Guest Relationship in Second Home Tourism // *Tourism Analysis*. 2011. Vol. 16. P. 443–460.

References

1. Burganova I. N. Otmena vizovogo rezhima mezhdru Rossiej i ES: utopija ili real'nost'? // *Gramota*. 2011. № 3. Ch. 2. S. 37–40. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/9.html> (дата обращения: 10.05.2016). (In Russ.).
2. Nefedova T. Gorozhane i dachi // *Otechestvennye zapiski*. 2012. № 3 (48). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 07.05.2014). (In Russ.).
3. Federal'naja sluzhba statistiki. Chislo vyezdnyh turistskih poezdok. 2018. Available at: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2019). (In Russ.).
4. Åkerlund U., Lipkina O., Hall C. M. Second home governance in the EU: In and out of Finland and Malta // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2015. Vol.7 (1). P. 77–97.
5. Buller H., Hoggart K. The social integration of British home owners into French rural communities // *Journal of Rural Studies*. 1994. Vol.10 (2). P. 197–210.
6. Calzada C., Le Blanc F. Attractivité résidentielle: les résidences secondaires allemandes en Lorraine. INSEE Lorraine. 2006. Vol. 49. Available at: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=17&ref_id=9921 (accessed 17.07.2015).
7. Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18 (1). P. 41–55.
8. Csordás L. Second homes in Hungary. In: A. Duró (ed.) *Spatial research in support of the European integration*. Pécs: Centre for Regional Studies. 1999. P. 145–160.
9. Fareniaux B., Verlhac E. Le dysfonctionnement des marchés du logement en zone touristique. Rapport No 004983-01. Ministère de l'écologie, du développement et de l'aménagement durables. 2008. Available at: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000193/> (accessed 21.03.2015).
10. Finnish Border Guard. 2017. Available at: <http://www.raja.fi/en> (accessed 17.05.2018).
11. Goujard A. Résidences Secondaires des Etrangers et Territoire Français: Localisation et Retombées Economique Locales, la Valorisation d'un Capital Symbolique. Rapport de recherche. Institut d'Urbanisme de Paris. Université de Paris – Val-de-Marne. 2002. Available at: <http://bel.uqtr.ca/635/> (accessed 19.03.2014).
12. Haapasalo T. Arvoisa Herra Puhemies! Ulkomaalaisten kiinteistöomistuksiin liittyvät kirjalliset kysymykset vuosina 2000–2012 // *Lähde. Historiatieteellinen Aikakausikirja*. 2013. P. 135–158.
13. Hall C.M., Page S.J. *The geography of tourism and recreation: environment, place, and space*. 3rd Edition. 2016. London: Routledge. 458 p.
14. Hall C.M., Müller D.K. Introduction: Second homes, curse or blessing? Revisited. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds.) *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View. 2004. P. 3–14.
15. Hannonen O. Peace and quiet beyond the border: the trans-border mobility of Russian second home owners in Finland. Publications of the University of Eastern Finland, Dissertations in Social Sciences and Business Studies, Vol. 118. Tampere: Juvenes Print. 2016. Available at: <http://bit.ly/dissertation-oh>.
16. Hannonen O., Tuulentie S., Pitkänen K. Borders and second home tourism: Norwegian and Russian second home owners in Finnish border areas // *Journal of Borderlands Studies*. 2015. Vol. 30 (1). P. 53–67.
17. Hannonen O., Lehtonen O., Toivakka M. Confronting the social debate: a study of the distribution of

Russian recreational properties in Eastern Finland // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2016. Vol. 10 (2). P. 95–111.

18. Hantula H. Venäjän EU-lähettiläs: viisumivapaus mahdollinen tänä vuonna // *Yle Uutiset* 14.07.2013. Available at: http://yle.fi/uutiset/venajan_eu-lahettilas_viisumivapaus_mahdollinen_tana_vuonna/6732365 (accessed 11.02.2014).

19. HE 253/2018 vp. Hallituksen esitys eduskunnalle kansallisen turvallisuuden huomioon ottamista alueiden käytössä ja kiinteistönomistuksissa koskevaksi lainsäädännöksi. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180253> (accessed 29.05.2019).

20. Hoggart K., Buller H. Geographical differences in British property acquisitions in rural France // *The Geographical Journal*. 1995. Vol. 161 (1). P. 69–78.

21. Honkanen A., Pitkänen K., Hall C.M. A Local Perspective on Cross-Border Tourism. Russian Second Home Ownership in Eastern Finland // *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18 (2). P. 149–158.

22. Hui E.C.M., Yu K.H. Second homes in the Chinese Mainland under “one country, two systems”: A cross-border perspective // *Habitat International*. 2009. Vol. 33. P. 106–113.

23. Jaakson R. Second-home domestic tourism // *Annals of Tourism Research*. 1986. Vol. 13. P. 367–391.

24. Kaltenborn B. P. The alternate home – motives for recreation home use // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 1998. Vol. P. 121–134.

25. Kauppila P. Resorts, second home owners and distance: A case study in northern Finland // *Fennia*. 2010. Vol. 188. P. 163–178.

26. Lampič B., Mrak I. Globalization and foreign amenity migrants: The case of foreign home owners in the Pomurska region of Slovenia // *European Countryside*. 2012. Vol. 4 (1). P. 45–56.

27. Lipkina O. Motives for Russian second home ownership in Finland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2013. Vol. 13 (4). P. 299–316.

28. Lipkina O., Hall M. C. Russian second home owners in Eastern Finland: involvement in the local community. In M. Janoschka and H. Haas (eds). *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*. Oxon: Routledge. 2013. P. 158–173.

29. Müller D.K. German second home owners in the Swedish countryside: On the internationalization of the leisure space. Umeå & Östersund: Umeå University. 1999. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:688723/FULLTEXT01.pdf>. (accessed 18.11.2019).

30. Müller D.K. Reinventing the countryside: German second-home owners in Southern Sweden // *Current Issues in Tourism*. 2002. Vol. 5 (5). P. 426–446.

31. Müller D.K. German Second Homeowners in Sweden. Some remarks on the Tourism – Migration – Nexus. // *Revue européenne des migrations internationales*. 2002. Vol. 18 (1). P. 1–18.

32. Müller D. K. The attractiveness of second home areas in Sweden: A quantitative analysis // *Current Issues in Tourism*. 2006. Vol. 9. P. 335–350.

33. Müller, D.K. Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2011. Vol. 65 (3). P. 137–143.

34. Müller D.K. The internationalization of rural municipalities: Norwegian second home owners in Northern Bohuslän, Sweden // *Tourism Planning & Development*. 2011. Vol. 8 (4). P. 433–445.

35. Paris C. *Affluence, Mobility and Second Home Ownership*. Abingdon: Routledge. 2011. 208 pp.

36. Pitkänen K. Contested Cottage Landscapes: Host Perspective to the Increase of Foreign Second Home Ownership in Finland 1990–2008 // *Fennia*. 2011. Vol. 189. P. 43–59.

37. Priemus H. Importing and Exporting Spatial Needs: A Dutch Approach. // *European Planning Studies*. 2005. Vol. 13 (3). P. 371–386.

38. Timothy D.J. Recreational second homes in the United States: Development issues and contemporary patterns. In: C.M. Hall, D.K. Müller (eds). *Tourism, Mobility and Second Homes. Between Elite Landscape and Common Ground*. Clevedon: Channel View Publications. 2004. P. 133–148.

39. Visit Finland visitor survey. 2017. Available at: <http://www.visitfinland.com> (accessed 08.03.2018).

40. Volo S. Community of Conflict? A Qualitative Study on Host-Guest Relationship in Second Home Tourism // *Tourism Analysis*. 2011. Vol. 16. P. 443–460.

TRANS-BORDER SECOND HOME TOURISM: RUSSIAN SECOND HOME MOBILITY IN FINLAND

**HANNONEN
OLGA**

*Dr. of Social Sciences,
University of Eastern Finland, Karelian Institute,
Joensuu, Finland, olga.hannonen@uef.fi*

Keywords:

dacha
second home
second home tourism
trans-border mobility
Finland

Summary:

The article defines main motives of Russian second home tourism in Finland in the context of international trans-border mobility. Based on the theoretical approaches to motives of second home tourism, the article reveals motivations of Russian second home owners. Russian motives contrast other research results on the topic. Second home motives and trans-border mobility are presented in the context of societal discourse in Finland, which demonstrates contradictory opinions and expectations of Russian tourists and Finnish inhabitants.